

Газ из горелки. Джеймс Джойс

Леди и дженты, вы в недоуменье:
Возможно ли небо - и землетрясение:
Из-за того, что польстил сатане
Ирландский писатель в чужой стране?
Лет десять назад он прислал мне опус –
С обеих сторон я глядел в телескоп
И прочитал все рассказы стократ,
Как вдоль-поперек, так вперед-назад.
Я издал бы их вплоть до последнего слова,
Но чудом, с благословенья Христова,
Вдруг прояснился бесовский язык,
И авторский умысел я постиг.
Да, я виноват перед милой Ирландией,
Честь ее, можно сказать, была в длани моей;
Всегда этот остров другим в назиданье
Ссылал таланты свои в изгнанье
И, кельтским юмором руководим,
Предавал вождей одного за другим.
Действительно, не остроумное ль дело
Засыпать известью очи Парнелла?
И еще: осушил не ирландский ли ум
Римской барки протекший трюм?
Сам папа в долгу бы не мог быть больше,
Чем он теперь перед Билли Уолшем.
О Эйре, чистейшая страсть моя,
Страна, где Христос и Кесарь друзья!
Страна, где трилистник на воле в поле!
(Минутку, миледи, я вытру соплю).
А критика – мне не поставит преград она:
Я печатал вирши Маунтени Маттона,
И пьесу его, где всякий твердит:
«Недоделок», «дешевка» и «содомит»,
И комедию об апостоле Павле,
И о чем-то таком – не о женских ногах ли, –
Сочинил ее Мур, он из джентов джент
И живет на свой законный процент;
Я печатал мистику – есть ли разница
Между ней и поваренной книгой Казинса? –
От них, говоря на родном языке,
Пардон, изжога в прямой кишке;
Я печатал фольклор, на Юге и Севере
Собранный Златоустейшей Грегори;
Я печатал писавших важно и глупо,
Я печатал Патрика чуть не Колумба;
Я печатал великого Джоя Синга,
Иже меж ангелов, как снежинка,
В пижонской сорочке, которую слямзил
Из чемодана с фамилией «Маунзел».
И вот, наконец, подведу я итог
На парне, одетом в австрийский желток,
Который несет итальянские мерзости
Джон-Уайзу Пауэру, О'Лири Кертису

И о Дублине пишет такой позор,
Что черный негр не берет в набор.
Свиная отрыжка! Да разве я трону
В печати памятник Веллингтону,
Сидни-Переид, сэндимаунтский трамвай,
Даунсовы лакомства, уильямсов чай?
Да будь я проклят хотя б за желанье
Выдать ирландские наши названья!
Удивительно только, что этот нахал
Курчавой Лужи нигде не назвал.
Миледи, печатный станок не намерен
Столь гнусной хулою порочить Эрин!
Я друг беднякам – уж который год
Дела мои рыжий шотландец ведет:
Шотландцы бедные – нынче даже
У них нет Стюартов для продажи.
Как китайский шелк, моя совесть легка,
А душа снятого нежней молока.
Колумб свидетель моей уступки –
Я сотню скинул с него при покупке
Его несчастного «Айриш ревью».
Вот как люблю я страну мою!
А кто-то там к эмигрантским невзгодам
Тащится поездом и пароходом –
Так я, чтоб умерить людские страданья,
Издаю нечитаемые расписанья;
И крыльцо моей фирмы – место для встреч,
Здесь ежевечерне играют в кетч
Одна добродетельная девица
И англичанин, чин из полиции,
Так что приезжий слышит все слухи
От грязной пьяной дублинской шлюхи.
Кто там сказал: не противься злу?
Я книгу его превращу в золу,
И сыплю прах в кривобокую урну,
И каяться буду упрямо и бурно –
Трещать, кряхтеть, пищать в песнопеньях –
И все это стоя на тощих коленях.
В великий пост я подставлю сам
Покаянный голый зад небесам
И, слезами в печатне моей обливаясь,
В ужаснейшем прегрешенье признаюсь.
И метранпаж мой из Беннокбурна
Окунет свою правую руку в урну
И начертает у всех на виду
Memento homo[1 - Помни о человеке (лат.)(Прим. перев.).] на

голом заду.

Сколько гнева, боли, злой иронии в этом стихотворении или, как писал сам Джойс, «инвективе в духе Свифта». Сарказм Джойса понятен каждому, кто знает о печальной судьбе его книги «Дублинцы» в Ирландии – сборника рассказов, давно уже занимающего почетное место в классике зарубежной литературы XX века.

Издатели не хотели печатать «Дублинцев»: их пугала смелость критического взгляда Джойса, откровенность его психологических описаний, отказ от лакировки ирландской действительности. Джойса наперебой обвиняли в аморализме, в презрении традиций. Редакторы требовали переработки текста. Но Джойс не уступал. Драматически сложились отношения Джойса и с Джорджем Робертсом, главой издательства «Маунзел», от лица которого в стихотворении ведется повествование. Робертс был человеком, достаточно приметным в литературном мире Дублина. Он составил себе имя на издании произведений писателей – активных участников Ирландского литературного возрождения: Августы Грегори, Джона Синга[2 - Его имя, а также имена других представителей Ирландского литературного возрождения Джойс сознательно искажает. (Прим. автора.)] и других. Стремясь укрепить свою славу либерала, Робертс заключил с Джойсом, в то время молодым прозаиком, о котором тем не менее уже заговорили в Дублине, контракт на издание его первой большой книги.

Однако, внимательно прочитав текст «Дублинцев», Робертс не на шутку перепугался. У него не было никаких сомнений, что власти будут шокированы многочисленными антибританскими выпадами Джойса, его крайне непочтительным отношением к ирландской католической церкви. Кроме того, Робертс опасался и обвинений в диффамации: соотечественники без труда могли узнать себя во многих джойсовских персонажах.

Положение Робертса было не из простых. Он был связан дружескими узами с семьей Джойса, к тому же не хотел прослыть ретроградом. И Робертс, презрев осторожность, решился опубликовать текст. Но на его счастье, этому помешал наборщик, который заявил, что под страхом смертной казни не станет печатать книгу, столь оскорбительную, с его точки зрения, для Ирландии. Вот тут-то Робертс понял, что дело приняло слишком серьезный оборот, и в сентябре 1912 г. сжег гранки рукописи, которая пролежала в его издательстве без малого три года.

Этот скандал стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Джойса: он принял окончательное решение уехать из Ирландии. И по пути из Дублина в Триест написал «Газ из горелки» – остросатирическое, бурлескное, откровенно фарсовое стихотворение.

История с публикацией «Дублинцев» навсегда осталась для Джойса незаживающей раной. Отчасти поэтому в 1939 г., в зените славы, он отказался от приглашения Уильяма Батлера Йейтса стать членом Ирландской литературной академии. Джойс часто с горечью повторял, что слишком хорошо помнит, как ирландские филистеры кинули в лицо Парнеллу, борцу за свободу родины, кусок негашеной извести.

Е.Гениева

Примечания

1 Помни о человеке (лат.)(Прим. перев.).

2 Его имя, а также имена других представителей Ирландского литературного возрождения Джойс сознательно искажает. (Прим. автора.)